

ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Р.В. Пузиков,

доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук, доцент

Прежде чем начать говорить о юридической доктрине, выработанной в решениях Конституционного Суда РФ (далее КС) необходимо говорить об учете решений КС, о пределах такого учета, о его технике, решать следующие вопросы: 1) что по существу представляют собой решения КС, являются ли они источниками права; 2) какова юридическая техника подготовки, принятия, издания соответствующих решений и при каких обстоятельствах, и в какой части они могут претендовать на то, чтобы их учитывали в обязательном порядке; 3) определяют ли закон, или КС, или кто-либо необходимость учета соответствующих решений вообще или технику учета, в частности [3, с. 47].

Необходимо оговориться, что в данном контексте, под учетом юридической доктрины выработанной в решениях КС как источника права, понимается юридическая техника в ее широком и узком значении, т.е. речь идет, не только о средствах (технике) выражения законодательной воли в тексте закона, но и об отношениях, связанных с подготовкой законопроекта вообще. Прежде всего, имеется в виду «технология» учета позиций КС Государственной Думой как органом, принимающим законы.

Постановка вопроса об источниках права не претендует на особую оригинальность. С того времени, когда был принят еще первый закон о КС, начались дискуссии о характере принимаемых им актов. Комплексно вопросы сформулировал, например, Л.В. Лазарев: то ли акты конституционного правосудия являются нормативными актами, то ли это судебные прецеденты, то ли просто правовые констатации, то ли решения преюдициального плана [4, с. 4]. С разными вариациями и в разных ракурсах эти вопросы обсуждались Г.А. Гаджиевым, Н.В. Витруком, В.А. Кряжковым, В.А. Тумановым и др. Весьма решительно комментирует соответствующую статью конституционного закона о Конституционном Суде Б. С. Эбзеев. С его точки зрения, КС «формирует конституционно-правовую доктрину, предлагает свое понимание тех или иных положений Конституции, которое «связывает» все иные органы государственной власти и других субъектов конституционно-правовых отношений, и тем самым фактически выполняет правотворческую функцию» [5].

Юридическая доктрина, выработанная в решениях КС, по мнению В.В. Лазарева, «представляет собой полноценный источник права в том смысле, что они: акты федерального органа власти; в большинстве своем носят нормативный характер; принимаются в строго установленном порядке; по формулированию правовых положений приближаются к законодательным текстам, хотя

и имеют особенности в плане законодательной техники; содержат целый набор внешних атрибутов; являются официально публикуемыми текстами; всегда обязательны для своих адресатов; действуют непосредственно; они окончательны; влекут утрату юридической силы правовых норм; адресатами их является в большинстве случаев относительно неопределенный круг лиц (физических, должностных, юридических); участники правовых отношений всегда вынуждены руководствоваться решениями КС; государство обеспечивает обязательность решений КС не только соответствующими нормативными актами, но и соответствующими организационно-принудительными мерами»[3, с. 48].

На Западе, оказывается, вновь получает свою силу такой источник права, как доктрина. Так вот, акты КС более всего приближаются по своему содержанию к доктрине. По содержанию! Правовые позиции, выраженные в решении КС — вместе, или лучше сказать, в контексте с особыми мнениями судей — во многом напоминают доктрину в самом прямом смысле этого слова.

Следовало бы также уподобить решения КС праву юристов, коллективно-му праву юристов. Если бы особые мнения судей принимались в качестве обязательного руководства к действию, то мы могли бы вспомнить об Ульпиане, о римских юристах, чьи позиции являлись настоящим источником права. В РФ такого пока нет. Но если доктрина в чистом виде получит свои права (предположим на одну минуту, что и здесь мы поспешим вслед за европейским правом), то особые мнения членов КС будут первыми претендентами на эту роль.

Оценивая юридическую доктрину, выработанную в решениях КС в качестве источника права, следует проанализировать структуру постановлений и определений КС. Вывод напрашивается такой, что акт в целом является источником права. В то же время разное значение имеет мотивировочная часть, в которой содержатся позиции КС, и часть резолютивная, в которой формулируется итоговое решение. В определенном отношении правовые позиции (непосредственно сама юридическая доктрина) приобретают самостоятельное значение, как бы отрываясь от резолютивной части.

Если мы признаем решения КС источником права, по-иному будет оцениваться их эффективность. Одно дело правоприменительный акт и другое — акт, содержащий право. Дело уже не ограничится доказательственным значением документов, заключений экспертов, позиций сторон и т. д. Их оценка сместится в сторону обоснованности права, его эффективности, его места в системе других источников права, его цены и т. д.

Довольно часто и в самых решительных выражениях КС предписывает законодателю принять необходимые нормы. По-видимому, это особая разновидность правового предписания, казалось бы, индивидуального характера. Но если акт будет принят, он будет действовать вместе с предписанием КС, и, следовательно, налицо известные черты его нормативности.

Законодатель пристально следит за решениями КС. Следует со всей определенностью заметить, что законодатель реагирует, как мы только что убедились, отнюдь не только по прямому его указанию. Если в ходе рассмотрения дела в КС выявляются потребности более полно гарантировать интересы граждан, более полно выразить демократическую линию развития, он вносит изменения

идополнения в свои нормативные акты. Так, после того, как КС в принципе решил вопрос о возможности приватизации комнаты в коммунальной квартире без обязательного согласия нанимателей других помещений, вначале московский, а затем и российский законодатель разработали законопроекты, которыми в определенной мере гарантируются права граждан, проживающих в коммунальных квартирах.

Признание КС нормативного акта или отдельных его положений неконституционными должно в обязательном порядке повлечь их отмену даже без специального на то указания в тексте решения.

Нет никакого сомнения в том, что законодатель и КС в равной степени озабочены проведением в жизнь демократических принципов российского законодательства. Если здесь и могут возникать своего рода коллизии, то только в части выявления подлинного смысла конституционных положений или в части избрания способов проведения демократических принципов законодательства в жизнь.

Следует констатировать, что технология учета юридической доктрины, выработанной в решениях КС в законодательной деятельности нормативно не определена, и никто ее пока официально не установил. Конституционный закон о Конституционном Суде в ст. 79 определил юридическую силу решения КС, и, как убеждаемся, она очень высокая (решение действует непосредственно, подтверждения кем-либо не требует, повторное принятие признанного неконституционным акта невозможно, последние окончательно утрачивают силу и не подлежат исполнению). Но, ни здесь, ни в какой-либо другой статье не устанавливается право КС давать соответствующие указания законодателю. Законодатель сам должен пересмотреть признанные неконституционными акты «в установленных федеральным законом случаях». Его никто не может обязать восполнить пробел в законодательстве. В случае, если таковой образовался в результате вынесения решения КС, конституционные нормы применяются непосредственно (с учетом вынесенного судом решения).

Список использованных источников:

1. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. - 1999. № 3 (28). – С. 82.
2. Кросс Р. Прецедент в английском праве. — М., 1985. — С. 111.
3. Лазарев В.В., «Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности», Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование, Том 1, Нижний Новгород, 2001. – С. 47.
4. Лазарев Л.В. Конституционный Суд и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. – № 11. –С. 4.
5. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. – М., 1966. – С. 23.